

© 1994 г., ЭО, № 5

Н. В. Филатова

ОСВОЕНИЕ КОМИ РАЙОНОВ ВОСТОЧНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Первые письменные свидетельства о появлении коми в Сибири относятся к XVI в.¹ В это время началось активное движение русских промышленников на зауральские промыслы, а поскольку путь их лежал через Коми край, то в этом движении активно участвовали и коми, жившие на Вычегде и Печоре. Зыряне считались знатоками Сибири и часто привлекались в качестве проводников русских войск, отправлявшихся за Урал. Так, в 1601 г., когда формировалась экспедиция в Мангазею, в наказе Бориса Годунова воеводам Масальскому и Пушкину рекомендовалось выбрать из зырян и жителей р. Выми тех, кто знает «Мангазейский и Енисейский морской ход». Воеводы должны были взять в Березове «в вожи зырян торговых людей и вымич на все суды, сколько человек пригоже, которые бы мангазейский и енисейский ход знали и толмачить умели»².

Из коми часто вербовались и отряды охочих людей, которые пополняли государеву рать. Многие коми записывались в служилые казаки и принимали активное участие в освоении Сибири. В 1636 г. Федор Чуркин ходил по Алдану. В 1640—1641 гг. Дмитрий Зырян в Семен Дежнев совершили конный переход на реки Яму и Индигирку³.

Точных сведений о времени проникновения коми за Урал нет, однако можно предположить, что очень рано им стали известны пути, по которым охотники в поисках пушного зверя углублялись далеко на восток, достигая низовьев Оби и Енисея. Занимались они в этих краях не только промыслом, но и меховой торговлей с местными жителями.

Особенно много охотников двинулось на восток в конце XVII в. в поисках соболя, так как к этому времени на территории Коми края он почти полностью исчез. Бродя по тайгам и тундрам Сибири, промышляя и торгуя, коми нередко оседали на длительное время и даже основывали остроги-городки. В 1601 г. такой «зырянский городок» обнаружили, например, сургутские служилые люди. Остроги служили не только исходными пунктами для промышленных экспедиций, но и центрами торговли с местным населением. Иногда коми даже собирали дань с окрестного населения. Крупную роль в торговле с ненцами играли, например, городки Войкар («Северный город») и Уркар («Беличий город»), которые представляли небольшие укрепления, защищенные валами⁴. При непосредственном участии коми были основаны и такие крупные поселения Западной Сибири, как Обдорск и Мангазея. Некоторые исследователи даже признают, что эти названия поселениям дали коми⁵.

Помимо оседлых переселенцев из числа коми в Сибири было много прибывших временно, на несколько лет, с промышленными или торговыми целями. Процент переселенцев из Коми края был высоким. Например, по данным переписи 1608 г. из жителей Вымской и Яренской волостей за Урал ушло 48 человек⁶, а к 1646 г.—около 10% мужского населения⁷.

Чаще всего в Сибири коми селились в русских деревнях, но также

основывали и свои поселения. Например, возле г. Верхотурья в 1639—1640 гг. по р. Туре были деревни Семейки Зырянина, Костька Шешукова, Семейки Гилева, Лучки Игнатьева, Митьки Зырянина и др.⁸ В этих поселениях осевшие коми занимались сельским хозяйством и промыслами. Вдоль главных, государевых дорог и вокруг городов возникали ямские слободы. Среди ямщиков тоже было немало коми. В 1601 г. из Верхотурья били челом царю «ямские охотники Ондрюшка Мокеев сын Зырянов и в товарищей своих месте»⁹.

Для тех, кто прибывал в Сибирь временно, для промысла, главным занятием была охота. А поскольку промышленники стремились добыть пушнины как можно больше, охота велась варварски, на что не раз жаловалось местное население. Известны челобитные 1600, 1622, 1623 гг., в которых ханты просят охранить охоту коми в их землях¹⁰.

Значительная часть коми в Западной Сибири занималась торговлей, выменивая за бесценнок мех у жителей Сибири. Усть-сысольские и яренские купцы участвовали даже в «большой торговле» Москвы с Сибирью и Китаем. В 1726 г. в большой Московской таможне среди купцов-северян, доставивших товар из Сибири, было зарегистрировано восемь яренских, с суммой оборота при продаже 10 266 руб.¹¹

В XVI—XVIII вв. движение коми в Сибирь еще не носило массовый характер и шло в общем потоке туда русского продвижения.

Основной же переселенческий поток коми в Восточное Зауралье начался с середины XIX в. Его составили коми-ижемцы, особая этническая группа коми, сформировавшаяся на протяжении второй половины XVI—начала XIX в. в восточной части Большеземельской тундры и воспринявшая в качестве основного хозяйственного занятия оленеводство и многие элементы культуры у ненцев¹².

С чем было связано активное участие коми-ижемцев в колонизации районов Восточного Зауралья, которая продолжалась со второй половины XIX в. и до 30-х годов XX в.? Какое влияние оказало появление здесь ижемцев на изменение этнической картины? Вот те вопросы, которые будут рассмотрены в нашей статье на основе литературных источников и материалов, собранных автором во время экспедиций 1990—1991 гг. в Шурышкарском и Приуральском районах Ямало-Ненецкой республики и Березовском районе Ханты-Мансийской республики.

Как уже отмечалось, этнографическая группа коми-ижемцев начала складываться сравнительно поздно, с последней четверти XVI в., поэтому вопрос о происхождении ижемцев и о тех этнических составляющих, которые участвовали в этом процессе уже в XVIII в., был достаточно решен¹³.

Физический тип ижемцев отличается своеобразными чертами и представляет один из вариантов «беломорского» антропологического типа беломорско-балтийской расы, который широко распространен в северной части Восточной Европы среди северных карел, вепсов, русских Архангельской области, а также нижневыгодских, удорских и вымских коми¹⁴. У отдельных жителей Ижмы и соседних поселений можно наблюдать и черты смешанного европеоидно-монголоидного «уральского» типа, что, скорее всего, является свидетельством включения в состав ижемцев ненецкого компонента.

Важные свидетельства о смешанном происхождении коми-ижемцев содержат и языковые материалы. По основному словарному фонду, по фонетическим и морфолого-синтаксическим особенностям ижемский говор ближе всего к вымскому и составляет вместе с ним северный диалект коми языка. Лингвисты выделяют в ижемском говоре значительное количество древнерусских слов: утроба (желудок), челядь (домочадцы), сарафан, кокошник и др. Также в языке ижемцев в отличие от других диалектов языка коми лингвисты отмечают наличие русских фонем «ф», «х», «ц». Иногда даже «х» заменяет «к»: «хрест» вместо «крест», «хрестьянин» (крестьянин)¹⁵.

Нельзя не отметить, что ижемский говор складывался в непосредственном

соседстве с ненецким языком. Ижемцы восприняли немало терминов, связанных с оленеводством, с культурой оленеводов. Например, пендей — четырехмесячный олененок, хора — бык-производитель; названия одежды: мальча — малица, линт ча — меховые чулки и др.¹⁶

Так кто же такие коми-ижемцы? Как уже отмечалось выше, процесс формирования этой этнографической группы происходил в XVI—XVIII вв. Существует много легенд о происхождении ижемцев, одна из которых приписывает основание с. Ижмы пяти братьям Чупровым, жившим сначала в Усть-Цильме, а затем переселившимся на Ижму¹⁷. В качестве первых поселенцев предания указывают также и на зырян Яренского уезда и русских устьцилемцев. Упоминаются и несколько ненецких семей, оседло поселившихся в Ижме и вошедших в состав ее населения¹⁸.

Исходя из имеющихся данных, как нам кажется, можно констатировать, что ижемские коми сложились на основе переселенцев из Усть-Цильмы (Филипповы, Рочевы, Хозяиновы и др.), с Выми, Удоры, Сысолы (Терентьевы, Артеевы, Семяшкины, Каневы, Истомины, Кожевины) и других мест. В этом процессе участвовали и несколько ненецких родов, осевших здесь и ассимилированных коми и русскими (Валейский, Хатанзейский, Ванюта).

Сельское хозяйство у ижемцев было развито слабо. Намного большее значение имели охота и рыболовство. Начиная же с середины XVIII в. на первый план в их хозяйственной жизни выдвигается быстро развивающееся оленеводство. Первые олени у коми появились еще во второй половине XVII в. Г. Старцев считает, что «первоначально стада оленей у зырян появляются после продолжительной встречи и торговых и охотничьих взаимодействий с ненцами¹⁹. Однако, как свидетельствовал Вл. Иславин, ижемцы, «не свыкнув еще с кочевой жизнью и оленеводством, не осмеливались вступать в тундру, а предоставляли пастьбу более опытным в сем деле самоедам»²⁰. Уже спустя столетие, как пишет Вл. Иславин, они «научились у кочевых жителей, как обходиться с оленями... сами стали ходить в тундру и, перешедши Печору и Усу, ежегодно все более и более распространяли оленеводство»²¹. Именно в течение этого времени коми-ижемцы значительно увеличили размеры своих стад в Большеземельской тундре, тогда как «самоеды», утратившие своих оленей, начинали переходить в работники к ижемцам и пушторам²² И. И. Лепехин, посетивший Ижму в конце XVIII в., отмечал, что «жители этой слободки оленей имеют довольно»²³.

Интересен тот факт, что оленеводство у коми-ижемцев практически с самого начала стало носить товарный характер. Продукция оленеводства через Мезень и Холмогоры шла в Архангельск, доставлялась на Сольвычгодскую и Устюжинскую ярмарки.

В 20-х годах XIX в. в Ижемской волости торговлей и ростовщичеством занимались 14 крестьян, который со своим товаром поспевали на все ближайшие ярмарки, а также торговали с ненцами и даже ездили за Урал, в Березов, Обдорск и другие города²⁴.

Со временем коми стали умелыми оленеводами, превратив оленеводство в отрасль, дающую прибыль. Как отмечал Вл. Иславин, коми-ижемцы «извлекают из оленя на продажу мясо, сало, замшу, теплую одежду, рукавицы, рога и языки»²⁵. Особенно доходным делом было производство замши. Уже в 40-х годах XIX в. на замшевых заводах в Ижемской волости ежегодно перерабатывалось до 40 тыс. оленьих шкур²⁶. К началу XX в. только в Ижме насчитывалось до 20 замшевых производств²⁷. Замшу через посредство костромских купцов отправляли в Москву. Оленье мясо сбывали ненцам и русским крестьянам, снаряжали даже специальные караваны на Урал, к местным «самоедам» и «остякам»²⁸.

Как отмечалось выше, коми-ижемцы «учились» оленеводству у ненцев, заимствовав у них основные элементы оленеводческой культуры, однако они внесли и ряд существенных изменений в технику ведения оленеводства:

круглосуточный присмотр за оленьим стадом; движение стад весною на север ижемыцы совершали, когда снег начинал стаивать, и шли с оленями по сохранившейся прошлогодней траве, поэтому к местам летних кочевий их олени подходили более упитанными, а значит, и меньше страдали от комаров и овода. Большое внимание уделялось и времени забоя. Летом оленя убивали только в исключительных случаях, основной же период забоя осуществлялся ранней осенью, когда шкура была не продырявлена личинками овода. На зиму коми-оленоводы уводили свои стада к лесу, на лето отправлялись к морю.

Однако ижемыские методы ведения оленеводства имели и ряд негативных последствий. Располагаясь со своими многочисленными стадами у границ леса, в короткий срок они стравили ягельники на зимних пастбищах Большеземельской тундры. Именно этот факт явился главной причиной движения ижемыских оленеводов в середине XIX в. на восток, за Урал и на Запад, в Тиманскую тундру, а позднее и на Кольский полуостров. Эти группы коми-ижемыцев, переселившиеся далеко за пределы Печорского края, со временем утратили непосредственные связи с основным этническим массивом.

Как уже отмечалось, населению Коми края еще с XVII в. были известны кратчайшие пути через Урал. В XVIII в. одна из дорог через Урал на Березов носила у остяков название «зырян-ню», т. е. зырянская дорога²⁹. Проникая за Урал, коми охотились, часто углубляясь далеко на восток, на Верхнюю Обь и Енисей. Некоторые оставались здесь на постоянное жительство. Особенно расширились связи с Сибирью в XIX в., когда многие ижемыцы начали пасти оленей на восточной стороне Северного Урала. Район кочевок ижемыцев простирался с запада на восток, от Урала до Оби и даже за Обью, между реками Полуем и Куноватью. Нередко коми-оленоводы переходили и Полуей до реки Надым и даже сам Надым, двигаясь с торгом навстречу Низовым самоедам³⁰.

По Уралу кочевья ижемыцев простирались от р. Ляпин до Байдарацкой губы. Осенью они спускались со своими стадами с Урала, и большая часть оставалась на зимовку между реками Ляпин и Сыней, меньшая же направлялась в бассейн р. Сыня и к Оби, которую пересекают на всем протяжении от Мужей до Обдорска «ниже на 70 верст до Имберниола (юрты Вульпаслинская), причем доходя на восток даже до вершины реки Полуя»³¹. В марте начинался обратный переход.

Что же привлекало коми-ижемыцев за Урал? Во-первых, это, конечно, поиск новых мест выпаса оленей. Громадным стадам было тесно в Большеземельской тундре из-за неупорядоченного, а подчас просто хищнического пользования ею. Эпизоотии сибирской язвы и копытки, разразившиеся в конце XIX в. в Большеземельской тундре, только в 1896—1897 гг. унесли 194 тыс. оленей³². По данным исследователей, в 20-х годах XX в. основная доля оленей коми-ижемыцев выпасалась в Карских тундрах и численность их здесь составляла до 1 млн. голов³³.

Наряду с оленеводством коми-ижемыцы активно занимались торговыми операциями. Наплыв кочующих ижемыцев главным образом усилился в пределах Ляпинской волости, после того как в этом крае развил свое дело крупный промышленник Сибиряков. Принадлежащие ему пароходы перевозили на Печору хлеб, доставлявшийся по Оби, а затем по ее притокам Сосьве и Ляпину. Для этого требовались большие перевозочные средства, что и привлекло сюда многих кочующих коми, получавших от перевозки хлеба большие заработки. Как отмечал А. А. Дунин-Горкавич, «до этого зырянские чумы близ реки Ляпин появлялись весьма редко, в настоящее же время козует здесь чумов зырян с 20-ю и 30-ю тысячами голов скота, главным образом между юртами Межипаульскими и Ляпинскою пристанью»³⁴. Между Печорой и Обью наладилось весьма оживленное сообщение. Было несколько основных путей за Урал, проложенных по Ельцу на Обдорск и через Хоппольский

проход на Березов и от Аранца (на Печоре) через Шекурью на Ляпин³⁵. Этот последний путь имел большое значение: каждую зиму через него с берегов Сычи к Печоре отправляли от 1500 до 2000 пудов муки. Так как цена муки в Березове была 30—35 копеек за пуд серебром (на Печоре 75—90 копеек), то «расчетливые зыряне, живущие на Печоре, закупают муку в Березове и, в устроенных ими на Шекурье дощаниках, провозят ее по Сосье и Сыче в устье Шекуры, лишь наступит зимняя дорога, отправляют на оленях через Урал, к Печоре³⁶. Занимались коми-ижемцы и перекупкой у местных манси рыбы, которую также переправляли через Урал, на Печору. Из Обдорска ежегодно отправлялось в Ижму «до 500 пудов мороженого осетра, из села Мужей разной мерзлой рыбы (осетра, муксуна, шекура, нельмы, сырка) до 1000 пудов и оттуда же, а также из Шурушкара до 1000 пудов мороженого нелька»³⁷. Малосольную рыбу транспортировали за Урал, на р. Усу, где кочевали зырянские оленеводы, весной же сплавляли по течению на р. Печору, а затем вверх по р. Ижме в с. Ижму. Из Ижмы рыба отправлялась на соседние ярмарки и даже в Петербург (осетр из Мужей — куканый)³⁸. В свою очередь кочующие оленеводы-ижемцы привозили за Урал разные товары, необходимые для местного населения: деревянную посуду, котлы, топоры, арканы, но самым главным их товаром было оленье мясо.

За Уралом постоянные поселения коми-ижемцев начали возникать в первой половине XIX в. В 40-х годах на р. Ляпин была основана д. Саранпауль³⁹, в том пункте, где кончался Аранецкий зимний тракт. В 1869 г. старожилы этой деревни, бывшие мохчинские и аранецкие крестьяне, писали: «Переселение наше с р. Ижмы через Урал на р. Сычу состоялось вследствие недостатка у нас моха для корма оленей, в котором здесь громадный избыток»⁴⁰. По данным, которые приводит А. А. Дунин-Горкавич, заселение этого пункта проводилось «с согласия местных инородцев, причем за дозволение поселиться уплачено инородцам по 25 рублей с каждого домохозяина и платится ежегодный оброк за право жительства, независимо от платежей за пользование лугами, пастбищами и рыболовными местами»⁴¹. Но основной наплыв ижемских коми в Березовский район относится к 1878—1880 гг. Главными пунктами поселения (кроме Саранпауля) были города Обдорск, Березов и с. Мужы.

В самом конце XIX в. оленеводы-коми проникают на южное побережье Обской губы и низовья Надыма. Как писал А. А. Дунин-Горкавич, «главным колонизационным элементом Надыма являются зыряне. Благодаря своей предприимчивости и трудолюбию они постепенно, шаг за шагом, заселяют пустынный север»⁴². Переселение ижемцев за Урал продолжалось и в начале XX в. «Еще в 1913 г. переселилось сюда с Печоры до 150 семейств, численностью около 500 человек»⁴³. На середину 20-х годов XX в. в населенных пунктах Березовского района общая численность зырян составляла 1140 человек⁴⁴. Живущие здесь ижемцы занимались главным образом оленеводством, охотой и рыболовством.

Коми-ижемцы селились зачастую по соседству с поселениями хантов и манси. Например, до заселения с. Мужы зырянами на этой территории жили ханты. В 1839—1841 гг. здесь была построена церковь и два дома для духовенства в целях христианизации язычников-хантов. Поселок стали называть «Попвож». К этому поселку и стали подкочевывать оленеводы-коми. Впоследствии он стал называться Мужы (по-хантыйски Мыжи, что значит «незамерзающая вода», так как недалеко от села есть озеро, в котором рыба, как считают ханты, может перезимовать)⁴⁵. Первые ижемские переселенцы в Мужах были отмечены Д. Юрьевым еще в 1847 г.⁴⁶ Последние приехали сюда в 1929—1930-х годах. Сначала здесь было всего несколько хозяйств ижемцев, затем село стало разрастаться, и к 1910—1911 гг. уже насчитывалось около 130 хозяйств коми⁴⁷. Спустя десятилетие в результате постоянного притока сюда с Печоры и Ижмы новых переселенцев здесь образуется

большое коми-ижемское село, в котором, по данным на 1926 г., насчитывалось 384 хозяйства и 1305 человек коми⁴⁸. В Мужах коми в это время составляли абсолютное большинство⁴⁹. В целом же по Обдорскому району (куда входило и с. Мужы) на этот период числилось около 4 тыс. оседлых и кочевых коми, что составляло примерно 2% от всего населения⁵⁰. Г. Старцев назвал с. Мужы «типично коммерческим селом, производящим впечатление городка»⁵¹. Наиболее богатые оленеводы имели до 2 тыс. голов оленей. Но были и семейства, содержащие всего 25—30 голов. По наблюдениям того же автора, здесь был «довольно заметный слой зырян-батраков, живущих в качестве наемных рабочих у крупных оленеводов или работающих на рыболовных промыслах»⁵².

Интенсивное заселение Березовского района коми-ижемцами началось, как уже упоминалось выше, в связи с возникновением здесь перевалочного пункта для товаров, шедших из Западной Сибири на Печору. Уже к началу XX в. здесь были три деревни, заселенные коми-ижемцами, — Саранпауль, Сибиряковская пристань и Щекурья. Жили тут также русские и оседлые манси; по данным на 1926 г. насчитывалось 582 коми-ижемцев⁵³. Ижемцы жили и в других пунктах Березовского района: в Сартынье, Няксимволе, Подгорном, а также в самом Березове (246 человек). Всего по Березовскому району коми-ижемцев насчитывалось 1140 человек⁵⁴. Коми работали в основном на Сибиряковской пристани, перевозили, торговали.

Надо сказать, что появление коми-ижемцев в районах Зауралья вызвало большое недовольство со стороны русских торговцев, так как коми составили им конкуренцию. В 1896 г. было даже распоряжение со стороны администрации о выселении всех зырян, проживающих в д. Саранпауль, причем выселиться они должны были в течение 2—3 месяцев. В свою очередь зыряне подали прошение в Петербург о приостановке и совершенной отмене этого распоряжения. Прошение было принято и выселение приостановлено⁵⁵. Видимо, при принятии последнего решения был учтен тот факт, что коми-ижемцы в то время являлись единственным связующим звеном северных окраин Европы и Азии.

Следует отметить, что зауральские коми, так же как и проживающие на Ижме, имеют самоназвание «изъватас». Сохраняется у них в основном и ижемский диалект. Однако в их говоре появился ряд хантыйских заимствований, в основном в области рыболовства⁵⁶.

В хозяйственном отношении зауральские коми делились на оседлых и кочевых. Первые занимались отчасти оленеводством и охотой, а также извозом и торговлей. Земледелием почти не занимались, сажали только картофель и капусту. Кочующие ижемцы основное внимание уделяли оленеводству, проводя весь год в перекочевках со своими стадами. Соответственно вся их материальная культура (жилища, одежда, утварь) была приспособлена к кочевому быту и связана с основным занятием.

Появление коми-ижемцев в пределах Северо-Западной Сибири отразилось на этническом составе местного населения. Вместе с ижемскими оленеводами переваливали через Урал и некоторые семьи европейских ненцев из числа членов Ижемской волости. Большая часть из них, работая пастухами, весной вместе с оленеводами возвращалась обратно в Большеземельскую тундру, но были и такие, кто оставался и оседал в ижемских поселениях по Ляпину, Сосьве и Оби, селениях Саранпауль, Мужы. Уже в метрических книгах Мужевской и Градо-Березовской церкви на 70—80-е годы XIX в. встречаются такие фамилии, как Хатанзеев (Хатанзи), Валеев (Вэли), Вануйттин (Вануйто), Выучи и др.⁵⁷ По данным переписи 1897 г., в Саранпауле проживало семь ненецких семей (60 человек). В Мужах же было зарегистрировано три ненецких семьи (20 человек)⁵⁸.

Конечно, появление коми-ижемцев, которые были в этот период по сравнению со своими соседями — хантами и манси более развитым и культурным

народом, не могло не отразиться на последних. Однако вопросы этого культурно-бытового влияния до настоящего времени практически не изучались, хотя, без сомнения, представляются заслуживающими внимания, так же как и тот факт, что зауральские коми очень долгое время составляли достаточно обособленную группу населения Западной Сибири, сохраняли родной язык, бытовой уклад, при том, что до недавнего времени у них практически не было никаких связей с Коми Республикой и они имели очень слабое представление о жизни народа коми.

Что касается браков коми-ижемцев с представителями коренного населения Западной Сибири, то интересен тот факт, что, по данным, которые приводит Г. Старцев, на 1926 г., не было ни одного случая, чтобы зырянин женился на остячке. Бывали случаи, когда зырянки выходили замуж за остяка. Однако браки эти были обычно непродолжительными. Автор объясняет это следующим: «Дело в том, что, если выйти замуж за остяка, нужно соблюдать все религиозные и обрядовые нормы,— в этом отношении остяки фанатичны и очень консервативны,— жить в беспросветных, грязных условиях, на что зырянин-отец и зырянка-дочь никогда не согласятся⁵⁹. Нельзя не указать, что бракам между ижемцами и хантами значительно препятствовали различия в условиях культуры, образе жизни, религиозных представлениях. Такие случайные браки отмечены вплоть до середины 70-х годов нашего столетия. Начиная же с этого времени подобные браки становятся более регулярными, что подтверждается полевыми исследованиями 1989 г. в Шурышкарском районе: в 70-х годах по району было заключено всего 15 таких браков, а с 1980 по 1989 г.— 74. Основная их доля приходится на такие, где муж — коми, а жена — хант (56)⁶⁰. Такое заметное увеличение числа смешанных браков коми с представителями малочисленных народов Севера, по-видимому, с одной стороны, объясняется выравниванием в уровнях культуры этих групп населения, продолжительностью контактов между ними, с другой стороны, процессом возрастания межэтнических браков в целом в этот период по всем регионам Ямало-Ненецкого округа.

Намного активнее первоначально были брачные отношения между зырянами и ненцами. Это отмечал и Г. Старцев, считая, что сближение по браку зырян «скорее возможно с самоедами, так как последние живут чище, более просты в своих обрядах и, кроме того, более хозяйственны и положительны, что по душе не менее хозяйственному зырянину»⁶¹. Действительно, брачные контакты коми-ижемцев с ненцами были не редким явлением. Однако интересно, что все контакты складывались почти исключительно во взаимоотношениях коми с европейскими ненцами. С местными же ненцами переселившиеся за Урал коми в контакт почти не входили. Причина такой избирательности специально не исследовалась, хотя представляет несомненный интерес.

По данным, полученным в Мужевском райзагсе, в период 70—80-х годов между коми и ненцами было заключено всего 14 браков, из них большая часть (10) пришлось на брачные союзы, где муж — коми, а жена — ненка. Такое небольшое число браков в настоящее время, по-видимому, можно объяснить незначительным числом проживающих здесь ненцев европейского происхождения.

* * *

Таким образом, хронологически в процессе освоения коми севера Западной Сибири можно выделить два этапа. Первый из них охватывал три столетия (XVI—XVIII вв.) и характеризовался проникновением за Урал отдельных групп коми: промысловиков-охотников — добытчиков пушного зверя, торговых людей (купцов и их посредников). Это были временные пришельцы на Тобольский Север; они, как правило, проводили там определенный период года (промысловый сезон, время, необходимое для осуществления торговых

операций), возвращаясь к местам постоянного жительства в Приуралье. Правда, уже в это время определенная часть коми оседала в низовьях Оби, создавая там стационарные поселения (имеются сведения, что существовавший на месте Обдорска Носовой городок, основанный в середине XVI в., являлся торговым форпостом коми), но в целом число семей коми, постоянно живущих за Уралом, было незначительным.

Интенсивный переселенческий поток коми в Восточное Зауралье относится к началу и особенно ко второй половине XIX в. В этот период в восточной части Большеземельской тундры сформировалась особая, этнографическая группа этого народа — ижемцы, многие представители которой развивали в качестве основного хозяйственного занятия оленеводство, восприняв его у местных ненцев.

Как отмечали многие исследователи XIX в., коми внесли существенные изменения в развитие этой отрасли, стали практиковать табунный выпас стад, поставили оленеводство на торговую основу, сбывая продукцию этой отрасли на рынке в естественном (оленье мясо, рога и шкуры) или в переработанном (замша) виде, а также изделий прикладного характера (унты, коврики, сувениры). Это, в свою очередь, потребовало интенсивного роста размеров поголовья оленьих стад и поиска новых пастбищ для их выпаса, что и послужило причиной перехода оленеводов-коми на восточную сторону Урала. Одновременно активизировались торговые операции по налаживанию экономического моста между европейским Севером и Западной Сибирью (Сибиряков и др.), в реализации которых предприимчивые коми приняли активное участие в качестве посредников, скупавших пушнину и рыбу у сибирских хантов, манси и ненцев.

Постепенно в низовьях Оби сложилась группа зауральских коми, территориально обособившаяся от своей альма-матер, сохраняющая ижемский диалект родного языка и специфические формы национальной культуры, но утратившая семейно-родственные и хозяйственно-культурные связи с основной диаспорой. Окончательное оформление этнотерриториальной группы зауральских коми произошло в первые десятилетия нашего столетия и связано с советизацией и организацией коллективных хозяйств на Западно-Сибирском Севере.

По современным данным можно выделить 13 эпицентров сосредоточения коми-ижемцев за Уралом. В Ямало-Ненецком округе это Мужевский, Кушевский, Сынский, Шурышкарский сельские советы Шурышкарского района, Тоговогольский, Хорсаймский, Щучьереченский, Собский сельсоветы Приуральского района, Норинский и Малоямальский сельские советы (сельская территория Надымского горсовета), Нижнепуровский сельсовет Пуровского района. В Ханты-Мансийском округе — бассейн р. Сосьва и ее притока, р. Ляпин (Саранпаульский, Сосьвинский сельские Советы Березовского района).

По данным Всесоюзной переписи населения, на 1989 г. в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области проживает 5746 коми человек (в 1979 г. — 5642 человека). В Ханты-Мансийском автономном округе — 3436 человек (в 1979 г. — 3105). Наиболее многочисленная и компактная группа коми сосредоточена на западе Ямало-Ненецкого округа, в Шурышкарском районе.

Как видно из таблицы, в настоящее время в Шурышкарском районе преобладает коренное (хантыйское) население. Уменьшение же численности коми (на 5%) автор склонен объяснить в первую очередь возрастанием числа смешанных браков между коми и представителями коренного населения района — хантами. В последние десятилетия число таких браков увеличилось более чем в 5 раз. При этом отмечается достаточно выраженная тенденция регистрации детей в смешанных коми-хантыйских и хантыйско-коми семьях преимущественно хантами, что связано с упрочением хантыйского менталитета в районе в последние годы. Как отмечалось в специальных научных разработках, здесь доминируют тенденции преимущественного выдвигания хантов на

Национальность	Численность, человек		1989 г. к 1979 г., %
	1979 г.	1989 г.	
Все население,	8764	9029	103
в том числе:			
русские	2497	2453	98,2
коми	1946	1849	95
ненцы	135	150	111,1
ханты	3164	3867	122,2
манси	10	50	в 5 раз

административные должности и общественные посты, продвижение их на работу в наиболее высокооплачиваемые отрасли (оленоводство)⁶².

Еще одна многочисленная компактная группа коми сосредоточена в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Наиболее крупное село коми — Саранпауль. По данным 1991 г., в Саранпаульском сельсовете проживает всего 4148 человек. Из них коми — 1060 человек. В последние годы здесь также прослеживается тенденция некоторого уменьшения численности коми, что связано с уже вышеназванными причинами.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание и на следующий факт. Еще в середине 20-х годов Г. Старцев отмечал, что в районах проживания зауральских зырян отсутствовали учебные пособия на языке коми. Преподавание в школах велось только на русском языке, не было и газет на коми языке. Ситуация с тех пор мало изменилась. При достаточно значительной численности коми-ижемцев в этих краях язык фактически сохраняется и существует лишь на бытовом уровне. Неправомерным представляется и то, что до сих пор ижемцы рассматриваются как пришлое население, хотя период проживания их за Уралом охватывает более чем 100 лет. При этом они занимаются промыслами, характерными для народов Севера, — оленеводством, рыболовством. Все эти вопросы требуют оперативного решения. Зауральские коми-ижемцы — достаточно устойчивая этнографическая группа, которая и в наши дни сохраняет свои традиции, язык и национальное самосознание.

Примечания

¹ Археологи датируют первое появление предков зырян в Сибири началом II тыс. н.э. В середине 80-х годов в результате археологических раскопок на правом берегу Оби, на западной окраине пос. Перегребное Октябрьского района Тюменской области, было открыто городище, которое датируется XII — серединой XIII в. По мнению ученых, обитателями этого городища были представители вьмской культуры (предки коми-зырян). См.: Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное-1 (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н.э.)//Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л. Т. 1. С. 396.

³ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 102.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Чугунов С. М. От Тобольска до Обдорска//Ежегодник Тобольского музея. Тобольск, 1917. В. 28. С. 13; Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913. С. 223.

⁶ История Коми АССР. Сыктывкар, 1981. С. 40.

⁷ Жеребцов Л. Н. Указ. раб. С. 103.

⁸ Буцинский П. И. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 94—96.

⁹ Миллер Г. Ф. Указ. раб. С. 392.

- ¹⁰ Жеребцов Л. Н. Указ. раб. С. 78.
- ¹¹ История Коми АССР. Сыктывкар, 1982. С. 67.
- ¹² Вопросам формирования различных коренных и переселенческих групп коми на территории Европейской части России и в Сибири посвящена монография Н. Д. Конакова, О. В. Котова. Этнореальные группы коми. Формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991.
- ¹³ Наиболее раннюю версию на этот счет высказал академик И. Лепехин. См.: Путешествие акад. И. Лепехина. СПб., 1805. Ч. IV. С. 282—283.
- ¹⁴ Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии//Советская этнография. 1946. № 2. С. 51; Жеребцов Л. Н. Указ. раб. С. 36.
- ¹⁵ Михайлов П. Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка. Архангельск, 1873. С. 8; Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. С. 5. 116.
- ¹⁶ Игушев Е. А. К вопросу о культурных связях коми и ненцев. Этнография и фольклор коми//Тр. Ин-та языка, литературы и истории. Сыктывкар, 1976. № 17. С. 117.
- ¹⁷ Жеребцов Л. Н. Указ. раб. С. 78.
- ¹⁸ Лащук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958. С. 95.
- ¹⁹ Старцев Г. Влияние самоедов на ижемских зырян//Коми-Му. 1926. № 11(33). С. 41.
- ²⁰ Иславин Вл. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. С. 20.
- ²¹ Иславин Вл. Указ. раб. С. 21.
- ²² Там же. С. 21.
- ²³ Лепехин И. Указ. раб. С. 283.
- ²⁴ История Коми АССР. Сыктывкар, 1981. С. 82.
- ²⁵ Иславин Вл. Указ. раб. С. 71.
- ²⁶ Там же. С. 72.
- ²⁷ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. С. 120.
- ²⁸ Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 206.
- ²⁹ История Коми АССР. Сыктывкар, 1981. С. 40.
- ³⁰ Дунин-Горкавич А. А. Указ. раб. С. 119.
- ³¹ Там же.
- ³² Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера по данным переписи 1926—1927 гг. Л., 1932. С. 35.
- ³³ Куратов А. Состояние оленеводства в Большеземельской и Малоземельской тундрах и на Новой Земле//Коми-Му. 1925. № 1. С. 5.
- ³⁴ Дунин-Горкавич А. А. Указ. раб. С. 120.
- ³⁵ Там же. С. 122.
- ³⁶ Абрамов Н. А. Описание Березовского края//Зап. императорского Русского географического общества. 1857. № 12. С. 425.
- ³⁷ Дунин-Горкавич А. А. Указ. раб. С. 122.
- ³⁸ Там же. С. 123.
- ³⁹ Хантыйское название, означающее в переводе «зырянская деревня».
- ⁴⁰ Сидоров М. К. Север России. СПб., 1870. Т. II. С. 498.
- ⁴¹ Дунин-Горкавич А. А. Указ. раб. С. 124.
- ⁴² Там же. С. 344.
- ⁴³ Старцев Г. Указ. раб. С. 46.
- ⁴⁴ Там же. С. 47.
- ⁴⁵ Жилина Т. И., Колегова Н. А. Некоторые особенности говора обских коми (села Мужы, Шурышкары)//Историко-филол. сб. 1960. Вып. 6. С. 154.
- ⁴⁶ Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов//Зап. Геогр. о-ва. СПб., 1852. Кн. 6. С. 323, 376—378.
- ⁴⁷ Старцев Г. Указ. раб. С. 48.
- ⁴⁸ Там же. С. 48.
- ⁴⁹ Конаков Н. Д., Котов О. В. Указ. раб. С. 52.
- ⁵⁰ Старцев Г. Указ. раб. С. 47; Конаков Н. Д., Котов О. В. Указ. раб. С. 52.
- ⁵¹ Старцев Г. Указ. раб. С. 48.
- ⁵² Там же. С. 46.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Дунин-Горкавич А. А. Указ. раб. С. 123, 124.
- ⁵⁶ Сорвачева В. Ненецкие и хантыйские заимствования в говоре зауральских коми//Историко-филол. сб. Сыктывкар, 1960. Вып. 6. С. 176.
- ⁵⁷ Васильев В. И. Указ. раб. С. 150.
- ⁵⁸ Там же. С. 203.
- ⁵⁹ Старцев Г. Указ. раб. С. 49.
- ⁶⁰ Материалы Мужевского райзагса (1970—1989 гг.).
- ⁶¹ Старцев Г. Указ. раб. С. 49.
- ⁶² Васильев В. И. Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (на материале Шурышкарского р-на)//Ин-т этнологии и антропологии АН РФ. Исслед. по прикладной и неотложной этнологии. Серия А. Межэтнические отношения в СССР. Документ № 7. М., 1990. С. 7.

The Komi Settlement of the Eastern Urals Region

The article examines the history of the formation of the Komi-Izhem ethnographic group and their role in the colonization of the Eastern Urals region in the latter part of the XIX c. through the 1930s. Some data illustrating their present situation are adduced.

N. V. Filatova

© 1994 г. ЭО, № 5

Б. В. Горбунов

ТРАДИЦИОННЫЕ СОСТЯЗАНИЯ ЗА ОБЛАДАНИЕ СНЕЖНОЙ КРЕПОСТЬЮ-ГОРОДКОМ КАК ЭЛЕМЕНТ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ

В этнографической науке малоисследованной остается народная игровая культура, зародившаяся в глубокой древности и до сегодняшнего дня отвечающая насущным потребностям общества. Из всего многообразия ее обычно выделяют народные игры, имеющие ярко выраженный военный характер¹. Изучение народных военно-спортивных игр представляет немалый интерес для этнографов и историков. Прежде всего потому, что они являют особый пласт народной игровой культуры, отражающий важнейшую сферу человеческой деятельности — военную. Такие игры составляют неизолированное явление, бытующее (или бытовавшее) только у отдельных народов; в той или иной степени они известны повсеместно и в каждом случае обладают этническим своеобразием. В обычае народных военно-спортивных состязаний, как правило, длительное время сохраняются архаичные элементы, изучение которых — одна из важнейших задач этнографии; они принадлежат (по крайней мере у большинства европейских народов) к числу исчезающих элементов народной культуры или к таким, которые сохраняются лишь в памяти старших поколений; их изучение в определенной мере проливает свет на то, каким образом при отсутствии официальных государственных структур для военно-физической подготовки широких слоев населения народные массы на протяжении столетий выступали как значительная военная сила и часто играли решающую роль в крупных военных событиях отечественной истории. Все это придает особую актуальность историко-этнографическому исследованию традиционных игр.

В комплекс русских народных военно-спортивных игр включают обычно различные виды борьбы и кулачного боя, палочные бои, многочисленные разновидности конных состязаний, «взятие снежного городка» и некоторые другие. И если такие из них, как борьба, кулачные бои, в определенной мере изучены, им посвящены обстоятельные публикации², то широко известная по картине В. И. Сурикова старинная русская народная игра «взятие снежного городка» (другие ее названия: «взять городок», «ломать город», «город брать», «город», «городок») практически не исследована, привлекала к себе внимание в основном при рассмотрении более общих проблем³. Даже в единственной специальной публикации на эту тему более половины объема посвящено рассмотрению масленичной обрядности⁴.

Что же представляла собой эта традиционная народная военная игра?